

**ФОРМИРОВАНИЕ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРИОРИТЕТОВ РОССИИ НА
ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х ГГ. И
ПРОБЛЕМА УРЕГУЛИРОВАНИЯ
НАГОРНО-КАРАБАХСКОГО
КОНФЛИКТА**

В.Р. Аглян

Ереванский государственный университет,
Ереван, Республика Армения

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления и сопутствующих трансформаций в формулировании внешнеполитических приоритетов России на постсоветском пространстве в переходный период начала и первой половины 1990-ых гг., влияние этих трансформаций на российскую политику в Закавказье (Южный Кавказ) и процесс урегулирования карабахского конфликта. В частности, в фокусе внимания начальный период формирования новых внешнеполитических интересов страны на постсоветском пространстве и модальности их реализации на региональном уровне, происходящих под влиянием и в контексте внутривнутриполитических и институциональных трансформаций. Неоизоляционистский подход либеральной российской политической элиты и, в частности, МИД РФ в отношении постсоветского пространства на рубеже 1993-94гг. сменился на куда более жесткий и настойчивый курс. Именно в этот период Россия существенно укрепила свою ведущую роль как гаранта региональной стабильности, что нашло свое отражение в целом ряде эффективных посреднических и миротворческих инициатив в процессе карабахского урегулирования.

Ключевые слова: Россия, внешняя политика, приоритеты, Закавказье/ Южный Кавказ, Нагорно-Карабахский конфликт, миротворчество, ОБСЕ.

Российская политика в отношении вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве на протяжении 1990-ых гг. подверглась значительным трансформациям

как в плоскости реальной политики, так и в отношении концептуальных подходов. Содержание, формы и средства российской стратегии в отношении закавказского региона самым непосредственным образом были связаны с конфликтными процессами происходящими в этой беспокойной части постсоветского пространства, фактически формируя круг базовых приоритетов и интересов российской политики в регионе. Состояние «ни мира, ни войны» на Южном Кавказе и сегодня продолжает играть ключевую роль в формулировании интересов и механизмов российской политики в отношении региона в целом.

Начальному этапу становления и выработки стратегии РФ на постсоветском пространстве была присуща определенная «хаотичность» и фрагментарность внешнеполитического процесса. Либеральная внешнеполитическая парадигма российского МИДа, ассоциируемая в то время с именами А. Козырева, Е. Гайдара, А. Шохина и других наиболее либеральных представителей новой российской элиты исходила прежде всего из необходимости динамичной интеграции России в «цивилизованное сообщество» развитых демократий Запада. На концептуальном уровне, новые подходы российских демократов базировались на тезисе о вторичном характере военных угроз безопасности государства и открывшемся широком поле решения конфликтных ситуаций политическими средствами. В сфере публичной политики важность и приоритетность развития отношений с новонезависимыми странами конечно же не оспаривалась. Согласно доминирующему на тот момент (оптимистичному) сценарию развития, предполагалось, что временный «изоляционизм» России, аргументируемый необходимостью концентрации внутренних резервов страны, в перспективе трансформируется, и Россия возьмет на себя роль ведущего экономического и политического локомотива для стран СНГ. В ту же канву укладывались и официальные заявления Москвы о неприемлемости применения военно-силовых вариантов на постсоветском пространстве. Од-

нако на практике за провозглашенной первым министром иностранных дел А. Козыревым идеей создания «поояса добрососедства» скрывалось de facto отсутствие позитивной концепции развития взаимоотношений России с бывшими республиками СССР. По существу, постулаты российской позиции в отношениях с непосредственными соседями по СНГ укладывались канву «доброжелательного изоляционизма», своего рода *laissez faire* подхода. Примечательно, что либералами был перенят также один из главных постулатов горбачевского «нового мышления» о вторичном характере военных угроз безопасности государства. Следуя этой логике, МИД РФ официально заявлял об отказе от использования силы в отношениях с «ближним зарубежьем».

В применении к Закавказью такого рода «неоизоляционистские» установки нашли свое отражение, к примеру, в инициативах по урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта, имеющих очевидный характер *ad hoc* политических акций. Это касалось карабахского урегулирования в рамках железнодорожного процесса при посредничестве Б. Ельцина и Н. Назарбаева (сентябрь 1991 г.) и, позже, в том же контексте, встречи президентов Армении и Азербайджана в Москве, при посредничестве МИД России (20 февраля 1992 г.). Очевидно, что несмотря на действительное стремление урегулировать конфликт на его начальной стадии, инициативы носили «моментный» характер. В апреле 1992 г., во время своего первого официального визита в Закавказье, А. Козырев фактически подтвердил, что на данный момент Россия не считает целесообразным проводить самостоятельную линию по урегулированию, поскольку «миротворческие механизмы СБСЕ работают в наших общих интересах»¹.

Безусловно, пассивность России в этот период была обусловлена рядом объективных факторов. В их ряду следует особо отметить отсутствие эффективного механизма

реализации внешнеполитических решений. В институционально-правовой плоскости функции выработки и реализации внешней политики были возложены на МИД России. Однако не были еще сформированы основные госструктуры, призванные обеспечивать национальную безопасность и интересы страны за рубежом. Исходя из этой реальности, при отсутствии одной из важнейших компонент российской политики в «ближнем зарубежье» – военной составляющей, – по крайней мере было нецелесообразно выступать с жестких позиций. К примеру, в апреле 1992 г. армянскому руководству об этом намекнул и сам А. Козырев, подчеркнув, что «переход армии (в данном случае частей бывшего Закавказского военного округа, перешедших на определенное время под командование ОВС СНГ-В.А.) под юрисдикцию России значительно прояснит ситуацию в регионе».

Создание в мае 1992 г. министерства обороны России не подчиняющегося аморфным структурам Объединенных Вооруженных Сил (ОВС) СНГ, действительно бросило концептуальный и институциональный вызов либеральным подходам МИДа. Характерно, что опубликованный в мае того же года проект Военной доктрины России уже содержал два важных постулата. Во-первых, указывалось на то, что безопасность России неотделима от постсоветского пространства. Во-вторых, ввиду ограниченности ресурсов, обеспечение безопасности рассматривалось сквозь призму геополитического планирования. С этого же времени начался активный поиск наиболее прагматичного курса, отвечающего базовым интересам России в регионе.

Выявились также главные предпосылки «центристского» сдвига в российской внешней политике [Lynch 2000: 54-58], суть которого кристаллизовалась к середине 1990-ых гг: обеспечить за Россией преимущественное/исключительное право «регулировать» межгосударственные отношения в «ближнем зарубежье» (за исключением Прибалтики), обеспечивать стабильность и военно-политическую безопасность этих

¹ И. Ротарь, «Андрею Козыреву пришлось нелегко в новом зарубежье», Независимая газета, 17.04.1992.

регионах и определять вектор регионально-го развития в тесной взаимоувязке с интеграцией в рамках СНГ. В общем виде, ссылки на такого рода подходы содержались также на доктринальном уровне официальной политики (Концепция внешней политики России (апрель 1993 г.), Военная доктрина России (ноябрь 1993 г.). Одним из признаков намечающихся перемен стало создание в мае 1992г. Совета Безопасности России, со своим достаточно консервативным составом членов.

В отношении Закавказья, где региональные конфликты со второй половины 1992 г. перешли в фазу широкомасштабных войн (грузино-абхазский и Нагорно-Карабахский конфликты), были выработаны несколько «рабочих принципов» региональной политики.

Во-первых, учитывая актуальность той угрозы безопасности, которую представляли региональные конфликты, было принято решение об абсолютной необходимости занять ведущую роль в урегулировании этих конфликтов. В то же время, проведение миротворческих операций начало рассматриваться в качестве «универсального» средства воздействия на широкий спектр проблемных узлов [Роль ООН 1993: 17].

Во-вторых, к середине 1990-ых гг., несмотря на общепринятую императивность «всеобъемлющего» вовлечения всех постсоветских республик (кроме Прибалтики) в российскоцентричную систему безопасности, в реальности на вооружение был принят дифференцированный подход. Еще в марте 1993 г. министр обороны России П. Грачев заявил, что черноморское побережье является стратегически важным рубежом, где сохранение военного присутствия России – неперемное условие в деле обеспечения безопасности страны. Исходя из ограниченности ресурсов, а также из соображений геополитической и оборонной целесообразности и, в определенной степени, перспективных политических предпочтений было решено, что в закавказском регионе наиболее тесные (интегрированные) военно-

политические связи необходимо обеспечить с Грузией (стратегически важное географическое расположение) и Арменией (сухопутный выход на две значимые региональные державы – Турцию и Иран).

В-третьих, весьма актуализировалась необходимость поддержания/прихода к власти лояльных в отношении России политических режимов в трех странах, имея ввиду перспективу расширения влияния «третьих сторон» на региональные процессы.

Другим значительным событием стало подписание 15 мая 1992 г. в Ташкенте иницированного МО России Договора о коллективной безопасности (ДКБ). Как показали дальнейшие развития, ДКБ послужил достаточно эффективным инструментом нейтрализации потенциального и прямого воздействия региональных держав, в частности Турции и Афганистана, на процессы, проистекающие на постсоветском пространстве.

Существенно более важное значение в «конкретизации» российской политики в Закавказье имело соглашение о распределении вооружений между всеми республиками бывшего Советского Союза (за исключением балтийских стран), достигнутое в мае 1992 г в Ташкенте. В соответствии с ташкентскими решениями было принято решение о передаче всем закавказским республикам равного количества вооружений и техники, учитывая соответствующие лимиты во фланговых зонах Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). На практике это означало фактическую «институционализацию» контроля над количеством вооружений в регионе со стороны России и существенный рычаг воздействия на военную политику закавказских республик, если учесть, что ЗакВО в 1992 г. был переведен под юрисдикцию России. Интересно, что 5 июня 1992 г. Совет министров иностранных дел НАТО, выразив свое одобрение относительно ташкентских решений, выступил со специальным заявлением по карабахскому конфликту. В заявлении в частности указывалось, что «отныне атлантическому сообществу будет все более и бо-

лее трудно формулировать четкую политику в отношении кавказского региона»¹.

Характерно, что конфликтная политика, с упором на проведение миротворческих операций, начала рассматриваться как разумный и прагматичный баланс между открытым военным вовлечением и «изоляционизмом». Еще в мае 1992 г. был опубликован проект Военной доктрины России, где достаточно ясно подразумевалась необходимость учета геополитических факторов и ограниченности ресурсов государства в планировании и оценке военно-политической обстановки вокруг России [Военная мысль 1992].

Вместе с тем, успехи России в осуществлении миротворческих инициатив в югоосетинском и приднестровском конфликтах, включая ввод миротворческих сил в зоны вышеупомянутых конфликтов в определенной степени «задали тон» и в отношении сентябрьской инициативы министра обороны П. Грачева. 19 сентября 1992 г. в Сочи министры обороны Армении и Азербайджана, при посредничестве П. Грачева, подписали соглашение о прекращении огня с 25-го сентября того же года. Перемирие на фронтах так и не успело вступить в силу, однако обращало внимание заявление министра обороны о вводе миротворческих сил в случае провала соглашения. Фактически выдвигалась модель югоосетинского и приднестровского урегулирования, правда со ссылкой на предварительное одобрение операции со стороны СБ ООН. Тем не менее, применимость данного варианта к карабахскому конфликту сразу же была поставлена под сомнение из-за выявившихся политических противоречий международного и регионального характера.

В октябре 1992 г. прибывший с официальным визитом в Москву президент Азербайджана А. Эльчибей заявил о неприемлемости миротворческих инициатив Москвы, поскольку Азербайджан не собирался вступать в Содружество. Тем не менее следует отметить, что рамочный российско-

азербайджанский договор в Москве был подписан, в то время как в отношении урегулирования грузино-абхазского противостояния и отношений с Грузией были приняты «дифференцированные» подходы. В частности к концу года российским руководством были приняты два главных принципа в отношении урегулирования абхазского конфликта. Во-первых, нормализация грузино-российских отношений и подписание рамочного договора была поставлена в зависимость от принятия Грузией российских предложений по урегулированию. Во-вторых, было решено не выводить российские части с территории Грузии, повременить с решением относительно их статуса и не передавать вооружения грузинской стороне до урегулирования конфликта.

Определенные изменения наметилась также в рамках минского процесса СБСЕ. Римский раунд переговоров, прошедший в июне-августе 1992 г., завершился без достижения каких-либо результатов. Более того, в июне 1992 г., получив огромное количество вооружений, принадлежавших частям бывшего ЗакВО на территории Азербайджана, что на несколько порядков превосходило все военные ресурсы армянской стороны вместе взятые, азербайджанская армия развернула широкомасштабное наступление на северные районы НКР. В результате Карабах понес значительные территориальные потери, а г. Степанакерт оказался под непосредственной военной угрозой. Очевидно, что в этих условиях достижение не то чтобы политического компромисса, но прекращения огня, казалось делом почти нереальным. В Баку надеялись «дожать» НКР и таким образом решить проблему как таковую. В среде карабахцев тем временем еще больше укрепилась уверенность, что собственная безопасность может быть обеспечена лишь при опоре на собственные силы.

Выявившаяся неспособность СБСЕ эффективно справляться с постсоветскими вызовами из-за отсутствия реальных механизмов обеспечения мира, объективно выдвигала на передний план силы, которые имели

¹ New Times International, 1992, № 25. P. 8.

непосредственные интересы и обладали конкретными рычагами воздействия на ситуацию в регионе. Складывающаяся реальность отразилась в фактическом сужении стран-посредников. В конце 1992 г. переговоры уже велись в рамках неформальной «пятерки» Минской группы СБСЕ [Shakhnazarian 2000: 121-126]. По сути эта тенденция отвечала интересам России, уже открыто заявившей о существовании собственных стратегических приоритетов в разрешении постсоветских конфликтов.

В данном контексте, необходимо отметить, что несмотря на серьезные внутривнутриполитические разногласия и разгорающуюся межвластную борьбу, на рубеже 1992-1993 гг. в Москве все же удалось достичь относительно устойчивого консенсуса касательно базовых интересов России на пространстве бывшего Советского Союза. Ряд новых концептуальных установок российской политики в отношении со странами СНГ, принятых на официальном уровне в начале 1993 г., отличались довольно жесткими формулировками. В отличие от кратковременной либерально-ориентированной внешнеполитической «парадигмы» (1991-1992 гг.), именно эти стратегические подходы вскоре были возведены в ранг доктринальной политики России. Рассуждения на тему о существовании или отсутствии стратегических интересов России в «ближнем зарубежье» были отброшены, а первоочередной задачей стала разработка средств по обеспечению этих интересов и выработка долгосрочного курса в отношении СНГ.

Общие параметры обеспечения национальных интересов России в «ближнем зарубежье» были обозначены А. Козыревым в январе 1993 г. Суть озвученных министром новых подходов, еще год тому назад исповедующего несколько иные взгляды, сводилась к признанию постсоветского пространства зоной приложения особых интересов России, в отношении которой отнюдь не исключалась возможность «взвешенного применения экономической и военной силы», правда в «миротворческих и правовых рамках» [Год минувший 1993: 4].

В марте 1993 г. Б. Ельцин призвал мировое сообщество и прежде всего международные организации признать Россию гарантом мира и стабильности на постсоветском пространстве, предоставив ей соответствующий мандат международных организаций.

В январе 1993 г. было официально заявлено, что постсоветское пространство является «зоной особых интересов и ответственности России», где Москва может прибегнуть к ряду политических и иных мер для защиты собственных интересов. Обеспечение стабильности и мира в субрегионах СНГ было провозглашено базовой задачей России. На политическом уровне, одним из стратегических аспектов нового курса стало сохранение сложившегося на постсоветском пространстве status quo и блокирование попыток вовлечения «третьих сил» в зону особых интересов Москвы.

Ужесточение российской линии в Закавказье было предопределено рядом объективных факторов, игнорирование которых было чревато серьезными последствиями уже в ближайшей перспективе. В частности «реактивность» российской политики в свете начала новой фазы вооруженного противостояния в Нагорном Карабахе, потенциально способная дестабилизировать ситуацию на всем Кавказе, причем с вовлечением региональных держав, могла спровоцировать весьма нежелательный сценарий развития событий.

Заслуживает внимание и майский визит П. Грачева в Турцию, в период, когда велись активные трёхсторонние консультации. В Анкаре последним были «уточнены» два принципиальных момента российской позиции в связи с карабахским кризисом. Во-первых, планы турецко-российского военнотехнического сотрудничества, официально ради чего и П. Грачев прилетел в Турцию, были поставлены в зависимость от невмешательства Анкары в закавказские дела. Во-вторых, министр обороны ясно заявил, что НКР должна быть признана стороной конфликта. По сути заявления П. Грачева были «пробными шарами», сигнализирувавшие

начало фактического отхода России от безрезультатных попыток урегулирования конфликта «совместными усилиями», на основе «общепринятых» принципов.

Вместе с тем особенностью нового периода региональных развитий стала «работа на опережение». В отличие от начального этапа, складывалось впечатление, что практическая политика и реально происходящие события в Закавказье находили свое отражение международно-политическом и концептуальных измерениях лишь *post-factum*.

После смещения протурецки настроенного А. Эльчибея (в результате антиправительственного мятежа полковника С. Гусейнова в Гяндже, материальной базой которого послужили вооружения 104-й российской дивизии, которая была выведена из Азербайджанской Республики в мае 1993 г. Согласно циркулировавшим тогда слухам, Россия благосклонна отнеслась к такому развитию событий в Азербайджане. Косвенно об этом свидетельствовали и слова главы администрации Президента России С. Филатова о том, что «избрание Эльчибея было ошибкой») [Strategic Survey 1994: 93] и прихода к власти в Баку Г. Алиева и до установления перемирия на фронтах (в мае 1994 г.) доминирующая роль в процессе урегулирования перешла к России. С этого же времени существенно активизировалась российская дипломатия. В ноябре 1993 г. была создана межведомственная комиссия для координации участия России в миротворческой деятельности. Сопредседателями комиссии были назначены заместители министров иностранных дел и обороны [Никитин и др. 1998: 76]. В июле 1993 г. спецпредставитель Президента России по карабахскому урегулированию, глава российской делегации в Минской группе СБСЕ В. Казимиров заявил, что неудача миротворческих усилий СБСЕ обусловлена отсутствием у этой организации реальных средств по обеспечению режима прекращения огня. Основными элементами российского плана урегулирования стали – проведение операции по поддержанию мира в зоне конфликта под эгидой СНГ и императивность признания Степанакерта

стороной конфликта, с вовлечением НКР в переговорный процесс.

В сентябре 1993 г., после вступления Азербайджана в СНГ и присоединения к ДКБ, создались институциональные возможности и политические предпосылки для урегулирования конфликта в рамках СНГ. В сентябре 1993 г. при посредничестве России, в Москве, состоялся целый ряд встреч и переговоров между представителями Армении, Азербайджана и НКР. Важным событием стали состоявшиеся 23-24 сентября прямые переговоры между Г. Алиевым и руководителем ГКО (Государственный комитет по обороне) НКР Р. Кочаряном и достигнутая договоренность об установлении перемирия. Примечательно, что к московским обсуждениям присоединился П. Грачев, также имевший переговоры с Г. Алиевым и министром обороны Республики Армения В. Саркисяном. Как официально сообщалось – «в целях содействия урегулированию конфликта»¹.

Хотя было очевидно, что лейтмотивом этих встреч было рассмотрение возможности отправки сил по поддержанию мира в зону конфликта. Очевидно, о том же шла речь во время рабочей встречи Б. Ельцина и президента Армении Л. Тер-Петросяна («обеспечение надежных гарантий невозобновления вооруженных действий») [Дипломатический вестник 1993: 19-20].

Примечательно, что на фоне активизации политических и дипломатических усилий, довольно жестко выступил вице-премьер России С. Шахрай. В частности, им было заявлено, что «закавказские республики со своей стороны должны учесть, что их политическая независимость, целостность и развитие зависят от факта – имеют ли они нормальные отношения с Россией» [Blank 1998: 173].

Характерной чертой российской стратегии в Закавказье на этом этапе стала комплексность интересов и сравнительно более всеобъемлющие модусы участия в региональных геоэкономических проектах в связ-

¹ Красная звезда, 8.09.1993.

ке интересами по обеспечению безопасности. В частности, помимо активизации российской «нефтяной» дипломатии на азербайджанском направлении, преследующей цель продвижения интересов российских ТЭК в каспийских проектах, Москва попыталась достичь соглашения с Азербайджаном целому спектру военно-политических проблем. Со вступлением Азербайджана в СНГ перед бакинским руководством Москвой был поднят целый ряд вопросов в свое время отвергнутых протурецкой администрацией А. Эльчибея. Военный блок российских приоритетов, обсужденный генералом А. Николаевым в Баку, включал проблему возвращения российских пограничников на ирано-азербайджанскую границу и использование Россией Габалинской РЛС.

Однако ключевой и наиболее «многомерной» проблемой оставалось карабахское урегулирование и позиция Москвы в этом процессе урегулирования. К осени 1993 г. кристаллизировались основные принципы и элементы российского плана урегулирования. В озвученном В. Казимировым плане основной акцент ставился на гарантированное прекращение вооруженных действий, предполагающим дислоцирование в зоне конфликта миротворческих сил СНГ. В этом контексте необходимо подчеркнуть, что к осени 1993 г. карабахским силам самообороны удалось завершить создание буферной зоны безопасности вокруг НКР. С военной точки зрения армянскую сторону устраивало любое соглашение о перемирии, учитывающее сложившуюся реальность. В это же время был сформулирован принцип «земля в обмен на статус», предполагавший передачу перешедших под контроль НКР (по восточному и южному периметру границ) районов в обмен на признание независимого статуса Нагорного Карабаха со стороны Азербайджана.

Хотя достигнутый при посредничестве России позитив в декабре был сведен к минимуму, ввиду проявившихся серьезных политических противоречий, тем не менее даже провал сентябрьских соглашений не смог

пошатнуть доминирующую роль России в карабахском узле.

В декабре 1993 г. уже на публичном уровне в открытую обнаружились расхождения и противоречия между Россией и Западом в вопросе мандата и состава (принадлежности) миротворческих сил. На заключительной сессии СБСЕ России было отказано в предоставлении мандата организации для проведения операции по поддержанию мира в Нагорном Карабахе. В том же месяце Азербайджан решил военным путем «ревидировать» по сути уже установленный новый военно-стратегический status quo, приняв наступление по всему периметру фронта, с использованием в рядах своей армии моджахедов и наемников других национальностей. С трудом выработанные на московских переговорах российские предложения были отвергнуты, при этом главная ставка была сделана на Запад и Турцию. Однако уже в феврале 1994 г. наступательный потенциал азербайджанской армии был исчерпан. Между тем, и Турция, и НАТО воздержались от оказания непосредственной военной помощи Баку. В условиях серьезной угрозы потери северных коммуникаций и новых территорий вокруг НКР, вследствие перехода сил самообороны НКР в контрнаступление, азербайджанские власти вновь обратили свой взор на Москву, выступившей по существу в роли «спасительницы» Азербайджанской Республики.

Примечательно, что активная посредническая деятельность России была значительна укреплена включением в российскую делегацию военных. В частности, весной 1994 г., вместе с В. Казимировым в регион прибыл замминистра обороны России Г. Кондратьев, курирующий миротворческую деятельность Вооруженных Сил России на постсоветском пространстве. Этот факт со всей очевидностью свидетельствовал о серьезности Министерства обороны России добиться ввода миротворческих сил в зону конфликта. Подписанное 18 февраля при посредничестве П. Грачева трехстороннее соглашение о прекращении огня и разводе сил предполагало дислоцирование наблюда-

телей в разделительной зоне, однако не конкретизировало ряд важных моментов. «Протокол Грачева» скорее символизировал начало «процесса», чем некий конкретный план действий. Скорее всего некоторая «неопределенность» документа была обусловлена существованием ряда международно-политических проблем, в частности противодействием Запада планам России разместить свои силы в регионе конфликта. В этом свете можно было понять жесткость постановки вопроса о миротворческих силах П. Грачевым, на состоявшейся 16-17 мая 1994 г. встрече министров обороны России, Республики Армения, НКР и Азербайджанской Республики. Фактическое перемирие на фронтах установилось после присоединения Азербайджана к бишкекскому протоколу, 9 мая 1994 г.

Проблема миротворческих сил активно обсуждалась и после установления фактического перемирия, будучи включенной также в повестку сентябрьского визита Б. Ельцина в Вашингтон. Относительная определенность в вопросе миротворцев была достигнута на будапештском саммите СБСЕ в декабре 1994 г. Согласно принятым будапештским решениям ОБСЕ отправка миротворческих сил СНГ (то есть российских) была снята с повестки: силы по поддержанию мира могли быть дислоцированы лишь после достижения политического разрешения конфликта, что отодвигало на будущее также планы по отправке международных сил.

Из вышеизложенного краткого обзора российской политики в рамках конкретного этапа карабахского противостояния первой половины 1990-ых гг. можно извлечь некоторые выводы общего плана. Во-первых, политический режим, установившийся в России после распада СССР, не был заинтересован в ревизии произошедших кардинальных изменений и развязывании войн и конфликтов на постсоветском пространстве. Скорее базовой целью России в отношении Закавказья была (и остается) сохранение за Россией «контрольного пакета» в деле формирования региональной стабильности и безопасности. Этот фактор не исключал

возможности использования прямых либо опосредованных рычагов воздействия на региональную ситуацию, что естественно «предполагало» определенную противоречивость закавказского направления внешнеполитической стратегии России. Безусловно, характер и формы российской региональной политики зависели и впредь будут зависеть от складывающейся корреляции военных, политических и экономических факторов.

Вместе с тем, исторически сложившиеся реалии предопределяли и предопределяют комплексность рассмотрения всего кавказского региона со стороны России. Выработка стратегии в «едином ключе» весьма актуализируется ввиду наличия множества тесных взаимосвязей между народами Кавказа в целом, с учетом специфики российского Северного Кавказа.

По сути, в 1990-ые гг. Россия сыграла ключевую роль в установлении нового регионального status quo, при этом создав достаточные предпосылки для сохранения за собой определяющего влияния на сложившийся «ассиметричный» военно-политический баланс сил в Закавказье. По этому поводу в одной из аналитических работ Королевского института международных исследований Великобритании высказывалось определенное недоумение в связи со сложившейся парадоксальной ситуацией в Закавказье, где со второй половины 1990-ых гг. преобладали две противоречивые тенденции: стабилизация и укрепление правящих политических режимов, происходящая на фоне отсутствия реальных подвижек в урегулировании региональных конфликтов [Baev 1997: 10].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. «Год минувший и год наступивший», Дипломатический вестник МИД России, 1993, № 1-2. С. 4.
2. Baev P. Russia's Policies in the Caucasus, РПА, London, 1997. P.10.
3. Blank S. The Eastern Question Revived: Turkey and Russia Contend for Eurasia in Central Asia meets Middle East // Ed. by D. Menashri. London, 1998. P. 173.

4. Lynch D. Russian Peacekeeping Strategies in the CIS. RIIA, London: 2000. Pp. 54-58.
5. Shakhnazarian D. Past and Present of the Nagorny Karabakh problem // Central Asia and Caucasus, 2000, № 6. Pp. 121-126.
6. Startegic Survey 1993/94, IISS, London 1994. P. 93.
7. Военная мысль, №4-5 (Спецвыпуск), 1992.
8. Дипломатический вестник МИД России, 1993, № 19-20. С. 53.
9. Никитин А., Федоров Ю., Хлестов О., Демуренко А. Миротворческие операции в СНГ: международные, политические и организационные аспекты // М., 1998. С. 76.
10. Роль ООН и других международных организаций в урегулировании кризисных и конфликтных ситуаций // Под ред. С. Рогова. М., 1993. С. 17.

Сведения об авторе: Аглян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Ереванского государственного университета. (email: aglyan@ysu.am).

**FORMATION OF FOREIGN POLICY
PRIORITIES OF THE RUSSIAN
FEDERATION IN THE POST-SOVIET
SPACE IN THE FIRST HALF OF THE
1990S. AND THE PROBLEM OF THE
SETTLEMENT OF THE
NAGORNO-KARABAKH CONFLICT**

V. Aglyan

Yerevan State University,
Erevan, Republic of Armenia

Abstract. The article explores the dynamics and the processes of Russia's foreign policy priorities development over the volatile period of early to mid-1990's after the Soviet breakup, its impact on the Russia's policies in the South Caucasus and implications for the Karabakh conflict settlement process. Specifically, the initial period of elaboration and formulation of foreign policy interests as well as the modalities of realization of those interests on the regional (post-Soviet) arena were influenced by the domestic,

institutional and region-wide transformations. The laissez faire and isolationist stance of Russia liberal wing elite towards the developments within the post-Soviet space was transformed at the helm of 1993/94 to a much more harder posture. In 1993-1994 RF significantly bolstered its role as a leading power in providing regional security, activating peacekeeping initiatives and mediation efforts in Karabakh conflict settlement process.

Key words: Russia, foreign policy, the South Caucasus, Transcaucasus, Nagorno-Karabakh conflict, peacekeeping, OSCE.

REFERENCES

1. Baev P. Russia's Policies in the Caucasus, RIIA, London, 1997. P.10.
2. Blank S. The Eastern Question Revived: Turkey and Russia Contend for Eurasia in Central Asia meets Middle East // Ed. by D. Menashri. London, 1998. P. 173.
3. Lynch D. Russian Peacekeeping Strategies in the CIS. RIIA, London: 2000. Pp. 54-58.
4. Shakhnazarian D. Past and Present of the Nagorny Karabakh problem // Central Asia and Caucasus, 2000, № 6. Pp. 121-126.
5. Startegic Survey 1993/94, IISS, London 1994. P. 93.
6. The Role of UN and other International Organizations in settlement of crisis and conflict situations. // Ed. By S. Rogov, Center for National Security and International Relations, Moscow 1993.
7. New Times International, 1992, N 25, p.8.
8. Military Thought (special issue), Moscow, 1992, № 4-5.
9. The Year that past and the Year that comes, Diplomatic Harbinger of RF MFA, 1993, N 1-2
10. Nikitin A., Fedorov Yu., Khlestov O. Peacekeeping Operations within the CIS: International, Political, and Organizational Aspects, MOSF, M.1998.

About the author: Aglyan Vahagn, Ph.D., Head of Chair, Public Administration, Yerevan State University (email: aglyan@ysu.am).